

ТЕАТР ПЕСНИ МАРКА БЕРНЕСА

или

ШАНСОНЬЕ БОЖЬЕЙ МИЛОСТЬЮ...

Марк Наумович Бернес... Он создавал неповторимые, цельные образы и оставался удивительно-противоречивым человеком. Его называют эстрадным певцом, а он не знал даже элементарной музыкальной грамоты и сравнивал ноты с «чаинками». Песни Бернеса моментально «уходили в народ», создавая золотой фонд эстрадного искусства, а он получал 15 руб. 50 коп. за выступление, т.е. ставку «разговорника», но, отнюдь, не певца. «Мрачный и веселый, честный и несправедливый, смелый и нерешительный, жесткий и сентиментальный»... говоря о Марке Бернесе (Неймане), список подобных взаимоисключающих понятий можно продолжать до бесконечности... Что, впрочем, нисколько, не умоляет достоинств и величия замечательного артиста.

С одной стороны, нигде и никогда специально не учившийся Бернес, удивлял специалистов точностью, с которой угадывал и знал заранее, что и как будет петь или играть... И, в то же время, он учился всему, что видел в тогдашней театральной Москве, его кумирами были Михаил Чехов и Иван Москвин, а своим учителем актер считал Николая Радина, заслуженно артиста Республики и великолепного мастера сцены.

Что же касается песен, Марк Бернес всю жизнь оставался поклонником Ш. Азнавура, И. Монтана, Ф. Синатры... он хранил записи А. Н. Вертинского, А. Галича, В. Высоцкого и прекрасно разбирался в поэзии. «Если бы не Бернес, - признавался поэт К. Ваншенкин, - в природе просто не существовало бы таких популярнейших «шлягеров», как: «Темная ночь», «Шаланды», «Москвичи», «Все еще впереди», «Журавли» и многие, многие другие, написанные специально для Марка и с непосредственным его участием». Известный же в те годы конферансье П. Леонидов придерживался иного мнения: «Конкурент Утесова по безголосости, - писал он, - Бернес все-таки опережал его по популярности... Обладая потрясающим актерским обаянием, он, в сущности, всю свою жизнь так на нем и «ехал». Подобные, полярные по сути мнения, сопровождали Бернеса всю жизнь и, как это ни парадоксально, каждое из них было правомерно.

У самого же артиста не было комплексов по этому поводу и, хотя, в силу своего природного упрямства, бескомпромиссности и «свирепного самолюбия» он частенько наживал врагов, любовь зрителей оставалась неизменным и главным критерием. Именно этим миллионам дорогих и «задушевных собеседников» Марк Наумович писал: «По профессии я – актер. Но во многих фильмах, в которых я снимался, мне приходилось петь. Песня помогала раскрыть образ героя, ярче выразить его душевные качества... Так я вышел на эстраду, к радиомикрофону и на экран телевидения. Сначала я пел те песни, которые пели мои герои в кино, а потом у меня постепенно стал складываться свой репертуар. И вот... я пою, хотя вам, видимо, хорошо известно, что голоса, какой полагалось бы иметь заправскому певцу, у меня нет... По этому поводу мне хотелось бы сказать вот что. Есть ведь разные песни. Одни поются на площадях, с большой эстрады, они обращены сразу к тысячам людей... Для них нужен мощный голос. А есть и другие песни – их поют, обращаясь к каждому слушателю так, как будто между вами одними идет задушевная беседа, как будто вам нужно передать что-то очень важное... Я всегда стараюсь перевоплотиться в человека, от имени которого поется песня. Этот человек – я сам...»

Откуда же у юноши, родившемся в бедной семье работника по переработке утильсырья в маленьком городе Нежине на Украине сформировалось такое ясное понимание песенного пространства? Откуда эта непреодолимая страсть к самовыражению и самопознанию?

Впервые Бернес попал в театр в пятнадцать лет и с тех пор мечтал только о сцене. Зная это, родители будущего актера, весьма и весьма далекие от искусства, отдали сына в торгово-промышленное училище учиться на бухгалтера. Оно и понятно: «Мифическое представление о славе и популярности, не шло ни в какое сравнение с приличным и твердым заработком». У Марка же не было ни малейшего желания заниматься счетоводством. Чтобы хоть как-то быть ближе к театру, юный Бернес нанялся в бригаду расклейщиков афиш, а чуть позже стал «зазывалой»: напаялив на себя красочную афишу, он приглашал граждан посетить вечерний спектакль и делал это так оригинально, что прохожие просто не могли не обратить внимания на интригующие мини-роли, разыгранные прямо на улице. Заметил их и староста театральных статистов, решивший привлечь бойкого паренька к работе в театральной массовке. С этого момента и началась актерская жизнь Бернеса, получившего свою первую, бессловесную роль кельнера в спектакле Харьковского театра музыкальной комедии «Мадам Помпадур»... Все бы ничего, но родители по-прежнему видели в сыне бухгалтера и не желали слышать о театре.

И тогда Бернес решил бежать. Не сказав никому ни слова, семнадцатилетний юноша сел в поезд и уехал в Москву... Ночуя на Курском вокзале, а днем обивая пороги столичных театров, где соглашался на любую работу, он, в конце концов, добился своего и был взят в массовку Малого театра. Одновременно Бернес записался и в массовку Большого театра, благо они находятся рядом. Прошло еще немного времени и вот «настырного молодого человека» уже зачислили в основной актерский состав Московского драматического...

Что же касается личной жизни, то, в середине 30-х годов, известный в театральных кругах артист - Бернес женился на молодой девушке. Говорят, именно Полина (друзья называли ее Паолой) привила мужу интерес к литературе и заразила чтением... Как бы там ни было, но, справедливости ради, надо отметить, что первыми и самыми близкими друзьями Бернеса в Москве стали И. Бабель и Н. Погодин. Кстати, страсть к бабелевскому письму и его манере складывать слова сохранилась у Бернеса навсегда. Он любил читать рассказы Бабеля со сцены и делал это лучше многих профессиональных чтецов-исполнителей... Впрочем, этот его талант так и остался на уровне хобби...

Между тем, добившись театральной славы, Бернес стал серьезно задумываться и о кинематографе. Сыграв эпизодические роли в кинофильмах «Заключенные» (1936 г.) и «Шахтеры» (1937 г.), он получил роль Кости Жигулева в фильме С. Юткевича «Человек с ружьем». Точнее, не получил, а сделал ее...

Дело в том, что в сценарии Н. Погодина и в помине не было такой роли! Но... выслушав режиссера, Бернес предложил себя на роль персонажа, которого сам для себя и придумал: с документальной точностью он нарисовал облик героя, сочинил ему биографию, нашел «военную функцию» в отряде рабочих бойцов, вовлек П. Арманда и Д. Шостаковича, сочинивших для него песню «Тучи над городом встали»... и успех был полным. Миллионы зрителей сразу же полюбили паренька с Нарвской заставы и с удовольствием подхватили его песню... Пел Бернес и в «Истребителях» («В далекий край товарищ улетает»), и в кинофильме Л. Лукова «Два бойца» («Темная ночь», «Шаланды, полные кефали»), после которого жители Одессы присвоили Марку Бернесу звание «Почетного гражданина города». И везде, раскрывая характер своего героя, артист окрашивал исполнение песен личными чувствами и переживаниями. Известно, что первый тираж пластинок с песней «Темная ночь» был списан в брак из-за того, что работницы студии звукозаписи плакали, слушая Бернеса. Их слезы случайно попали на матрицу, с которой печатались диски...

«Своей правдивой интонацией, - вспоминал композитор А. Эшпай, - он захватил нас и заставил каждого уйти в свой мир, чтобы взглянуть на него возвышенно... Я жил на Бронной в полуподвале... Это удобно: ногу на подоконник – и разговаривай... Однажды Марк проснулся в окно и сказал: «Есть стихи. Для тебя. Нужна музыка!» Положил стихи и стал ждать, словно я сочиню музыку сейчас же, при нем. Но так и получилось...» Это была песня на стихи Е. Винокурова «Москвичи»:

«Но помнит мир спасенный,
Мир вечный, мир живой
Сережку с Малой Бронной
И Витьку с Моховой».

«Марк Бернес, - говорил композитор Э. Колмановский, - был единственным из известных мне исполнителей, который работал и с поэтом и с композитором. Он был в высшей степени профессиональным знатоком песни, придумывал тему, идею, образ... Если поэт приносил не то, он тут же ругал стихи и всегда был убедителен. Ему очень верилось. Он как-то умел предугадать успех песни... Я, например, в песню «Я люблю тебя, жизнь» не верил. Он ведь отверг первый вариант. Самолюбие мое было уязвлено. Я хотел лишь одного, чтобы он принял ее... А он приходил и говорил: «Это место надо изменить», делая тончайшие замечания по части инструментовки. Воспринимал и чувствовал он очень точно. И исполнял каждую песню, как последнюю...»

Тем временем, продолжая сниматься в кино: «Большая земля», «Тарас Шевченко», «Максимка», «Школа мужества» (1954 г.), Бернес органически использовал актерский талант в исполнении песен, что обеспечивало каждой записи долгую и полноценную жизнь.

Жизнь же самого Бернеса дала трещину... Умерла Полина, оставив на руках мужа двухлетнюю дочь Наташу... Тогда артист не мог знать, что через несколько лет судьба подарит ему встречу с женщиной, которая станет для Наташи второй матерью, а он, Марк Бернес, «вторым отцом» для Жана – сына Лилии Бодровой. Волею случая они познакомятся 1-го сентября в коридоре одной из московских французских школ, куда оба родителя приведут детей в первый класс. Но все это случится позже... А в том тяжелейшем 54-ом Бернес старался уделять дочке как можно больше времени и, при этом, понимал, что не имеет права забывать о работе. Он снялся сразу в двух кинофильмах: «Цель его жизни» и «Ночной патруль» (1956 г.), с выходом которого песня Огонька в исполнении Бернеса неизменно пополнила список его «хитов».

Шло время, и вот уже самостоятельные концертные выступления и записи стали занимать артиста больше, чем кинороли. Продолжая сниматься: «Цель его жизни», «Чертова дюжина», «Аппассионата»... актер все больше отодвигался за кадр. Он дублировал других исполнителей в фильмах республиканского и зарубежного производства, читал тексты «от автора» и, хотя его герой снова пел в фильме «Мелодии Дунаевского» («Я по свету немало хаживал»), в картине «Щит и меч», уже незримый для аудитории, актер исполнил «С чего начинается родина» и больше не захотел зависеть от ролей. Он взялся заново строить свою судьбу. На эстраде.

Как рассказывают очевидцы, Бернес выходил на сцену строго и просто... «Подходя к микрофону и всматриваясь в зал, он здоровался со всеми широкой, открытой улыбкой, как здороваются с хорошо знакомыми людьми. Строгая осанка, естественное положение рук, веселые глаза... Во всей его по-молодому подтянутой фигуре не было ни тени напряжения. Артист, который был похож скорее на ученого или писателя, улыбкой предвосхищал начало своего выступления. Все в его позе было значительно и сосредоточенно. Мы еще не знали, что он будет петь, но у нас уже возникало ощущение, что произойдет нечто значительное...» Так выходил на сцену В. Качалов, так выходили на сцену многие мастера Художественного театра, пользовавшиеся микродозами

максимально-выразительных средств... Лилия Бодрова-Бернес вспоминала: «Как-то позвонил Володя Высоцкий: «Марк Наумович, хочу к вам зайти». Сидел часа два и пел. В то время он выступал нечасто и предложил Бернесу исполнять его, Володиные, песни. Марку он очень нравился, и стихи нравились. Он попросил показать их композитору, но Володя наотрез отказался. Однако, одну песню «На братских могилах не ставят крестов» Бернес все же спел...»

Сегодня многие полагают, что эту особую форму бернесовского доверительного, контактного, одинаково – музыкально, стихотворно и актерски – выразительного искусства, можно назвать французским словом – шансон. Однако сам Бернес мечтал создать «Русский театр авторской песни». На это у артиста были все основания, ведь он явился не только родоначальником и организатором нового для России жанра, но и стал первым, лучшим его представителем. Всегда прислушиваясь к внутреннему голосу, он «пел сердцем», пел всем своим существом, упрямо отстаивая право на личную интонацию, делая это всеми доступными ему способами: обаянием, интуицией, талантом драматического актера, выразительностью мимики и жеста, собственным пониманием силы и объема звука, кантилены и паузы... И, при этом, всегда придавал огромное значение поэтической стороне песни. «Мелодический строй... Стихи... - говорил он, - Для меня стихия песни – в тесном взаимопереплетении, взаимопроникновении этих двух составных ее частей. И в чем я убежден... никакая, самая рассовременная музыка в самой блестящей оркестровке не сделает песню подлинно долговечной, если она не несет глубоких мыслей, выраженных в настоящих! стихах».

В архиве Марка Наумовича сохранился экземпляр журнала «Новый мир» за 1968 год, в котором опубликованы стихи Р. Гамзатова «Журавли»:

«Мне кажется порою, что джигиты,
С кровавых не пришедшие полей,
В могилах братских не были зарыты,
А превратились в белых журавлей»

На экземпляре – вопросы и правки Бернеса, последние в его жизни... Так, например, вместо слова «джигиты», он написал – «солдаты», что, естественно, повлекло за собой дальнейшие изменения стихотворного ряда:

«Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей...»

Так, из стихов об аварском народе Бернес сделал песню, близкую и понятную каждому человеку...

Лауреат Сталинской премии, заслуженный артист РСФСР, Марк Бернес работал до самого конца... Запись «Журавлей» была закончена незадолго до трагического августа 1969 года. По злой иронии судьбы, любимый народный артист не дожил три дня до церемонии присвоения ему почетного звания «Народного...» Но, продолжая список противоречий и исполняя последнюю волю артиста, на гражданской панихиде в Доме кино из репродукторов, затянутых красными полотнищами и траурным крепом, вместо дежурных речей, сообразных ритуалу похорон, звучали полюбившиеся всем песни: «Три года ты мне снилась», «Романс Рождина» («Почему ты мне не встретилась»), «Журавли» и «Я люблю тебя, жизнь»...

Анна Лысюк